

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Погребальная практика охотников-рыболовов бронзового века Приольхонья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014. Ч. 1.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1955.

Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес (предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974. Вып. 1.

Харинский А.В., Сосновская Н.С. Могильник бронзового века Хадарта-IV // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 2000. Вып. 2, ч. 2.

Хлобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам Б.Э. Петри) // Краткие сообщения Института археологии. 1964. Вып. 97.

Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Burr G.S., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., McCormac F.G., Manning S.W., Reimer R.W., Richards D.A., Southon J.R., Talamo S., Turney C.S.M., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E. INTCAL 09 and MARINE09 radiocarbon age calibration curves, 50,000 years Cal BP // Radiocarbon. 2009. №51 (4).

Weber A., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quaternary International. 2016. V. 419.

УДК 902«637»(571.1)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.28

А.В. Поляков

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ РАЗЛИВСКОГО ЭТАПА ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН
по теме государственного задания №0160-2020-0002

В статье излагаются новые данные, подтверждающие обоснованность выделения позднего разливского этапа окуневской культуры. На сегодняшний день к нему могут быть отнесены три кургана: Черновая-ХI, Разлив-Х и курган №1 могильника Итколь-II. Их объединяет серия уникальных признаков, характеризующих особенности этого периода. Наиболее яркие из них – появление традиции посмертной трепанации черепов в затылочной части, следы которой отмечены у подавляющего большинства погребенных, включая детей, и изображения на плитах в стиле «тощих быков». Кроме того, в погребениях отмечается обилие ритуальных предметов, а также уменьшение до минимума числа бытовых вещей, в первую очередь керамики. Стеатитовые «головки» и костяные пластинки с изображениями несколько видоизменяются и тоже помогают в обособлении этого хронологического горизонта. Возможно, такое же значение имеют захоронения «шкур» быков в небольших каменных ящичках внутри ограды, ближе к восточной стенке. На основании двух радиоуглеродных дат из этих курганов разливский этап окуневской культуры предварительно можно датировать XIX–XVIII вв. до н.э.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Минусинские котловины, эпоха бронзы, окуневская культура, разливский этап

Изучение относительной хронологии памятников окуневской культуры началось сразу же после ее выделения Г.А. Максименковым [1965; 1975]. Однако на начальном этапе серьезным препятствием на этом пути был недостаток источников. Исследователи верно отмечали отдельные памятники, которые можно было относить к наиболее ранним, но их малочисленность, а главное, сильная степень повреждения в ходе позднейших проникновений не позволяли четко сформулировать признаки отдельных этапов [Хлобыстина, 1973]. Серьезный прорыв в этом направлении стал возможен только после исследования новой группы памятников в долине реки Уйбат. Именно на основании этих новых материалов И.П. Лазаретову [1997] удалось выделить и описать ранний уйбатский этап оку-

невской культуры. Продолжающиеся исследования памятников этого периода позволили детально изучить особенности начального этапа сложения культуры и сделать важные наблюдения и выводы [Лазаретов, Поляков, 2018; Лазаретов, 2019; Поляков, 2020а; 2020б].

Вопрос о поздних памятниках окуневской культуры долгое время оставался открытым, пока первую концепцию не предложил Д.Г. Савинов [2005]. К сожалению, пока исследовано недостаточно комплексов этого периода, поэтому очень сложно вычленил критерии отнесения к нему конкретных памятников. Д.Г. Савинов, обособляя их, опирался преимущественно на особенности художественного стиля. Это связано с тем, что в погребениях крайне мало инвентаря, а тот, что присутствует, в основном представляет собой разнообразные ритуальные или художественные изделия, в том числе плиты с изображениями и их фрагменты.

В своей работе Д.Г. Савинов отнес к разливскому этапу три памятника: Разлив-Х, Черновая-ХІ и Стрелка. Справедливость хронологически поздней датировки первых двух не вызывает сомнения. Несколько сложнее с тремя могилами, раскопанными на севере Минусинских котловин (Стрелка) [Савинов, 1981]. Во-первых, нет полной уверенности, что они представляют собой единый комплекс и были сооружены одновременно. Во-вторых, их поздняя датировка базируется исключительно на формах и орнаментации керамики из могилы-2, которая, по мнению Д.Г. Савинова, схожа с андроновскими образцами. Однако необходимо отметить, что эти сосуды не имеют полных аналогий среди памятников андроновской (федоровской) культуры Минусинских котловин, а отдельные элементы орнаментации, которые определяют это сходство (вертикальный зигзаг, тонкие желобки под венчиком и у дна) встречаются на сосудах, датирующихся черновским этапом, например, могильника Уйбат-V [Лазаретов, 1997, табл. XXII.-3, 5, 6; табл. XXIII.-1, 4]. Таким образом, лучше не использовать этот памятник как опорный, до того момента, когда будут выработаны надежные критерии вычленения разливского этапа. Вместо него в список следует включить недавно исследованный курган №1 могильника Итколь-II, который демонстрирует целый спектр признаков его общности с могильниками Разлив-Х и Черновая-ХІ [Поляков, Лазаретов, Есин, 2018, с. 133–135].

Все эти три кургана по конструкции продолжают традиции предыдущего черновского этапа. В их основе лежат подквадратные ограды из вертикально вкопанных плит песчаника. Могилы в виде каменных ящиков располагаются на их площади уже без какой-либо системы, центральное погребение может даже быть повернуто поперек осевой линии [Поляков, 2017а]. Основная группа сконцентрирована в центре ограды, а часть пристроена к стенкам. Развороты могил могут быть самые разные, без какой-либо ориентации на ось запад-восток. Положение тела в могиле также может варьироваться. Наряду с традиционным размещением на спине с поднятыми коленями появляются различные экзотические варианты. Такая же ситуация и с ориентировкой. Очень часто костяки в могиле располагаются «валетом».

Одной из важных особенностей курганов разливского этапа является большое число подзахоронений в уже существующие могилы. Возможно, именно этот процесс объясняет столь малое количество известных курганов этого периода. Если раньше старались для каждого погребенного строить отдельную могилу, пусть и впущенную в насыпь уже существующего кургана, то на новом этапе все чаще встречаются случаи, когда в одну могилу могли подзахоранивать погребенных неоднократно (особенно детей). Например, в 22 могилах кургана №1 могильника Итколь-II было похоронено не менее

52 человек, а, учитывая, что все, кроме одной, подверглись неоднократным ограблениям и большинство костей были при этом выкинуты, возможно, первоначально их было значительно больше. Также нельзя исключать, что часть безынвентарных подзахоронений в курганах черновского времени тоже может относиться к разливному этапу. Установить это можно, только массово используя радиоуглеродный метод датировки.

Вторая особенность – практически полное отсутствие в погребениях бытового массового инвентаря: сосудов, украшений, деталей одежды. Например, в кургане №1 могильника Итколь-II на 22 могилы был обнаружен только один сосуд, а полное отсутствие фрагментов в заполнении могил и его насыпи указывает, что это не является следствием ограбления захоронений. Сосудов в могилах не было изначально. Аналогичная картина и с двумя другими курганами (Разлив-X и Черновая-XI). В них тоже было найдено только по одному сосуду. Очень важно отметить, что все три сосуда, обнаруженные в курганах разливого этапа, на основании их размеров (высота не более 10 см) и контекста местонахождения следует рассматривать как «детские». Именно по этому признаку из общего ряда выпадает Стрелка, где найдено сразу три сосуда «взрослого» размера и иной инвентарь. Точно так же в могилах разливого этапа крайне редко встречаются и другие бытовые вещи, например женские украшения и элементы костюма. В трех курганах были найдены следующие предметы: три игольника с набором игл, челюсть сурка, несколько подвесок, три бронзовые бусины, четыре бусины из позвонков рыб, деревянный «черпачок», кремневый наконечник стрелы, две пряжки из эпистрофея волка, наконечник остроги и каменный скребок. Металлические предметы представлены обломком шила круглого сечения и пронизкой из свернутой спиралью полосы. Такой технологический прием, вероятно, является хронологическим маркером.

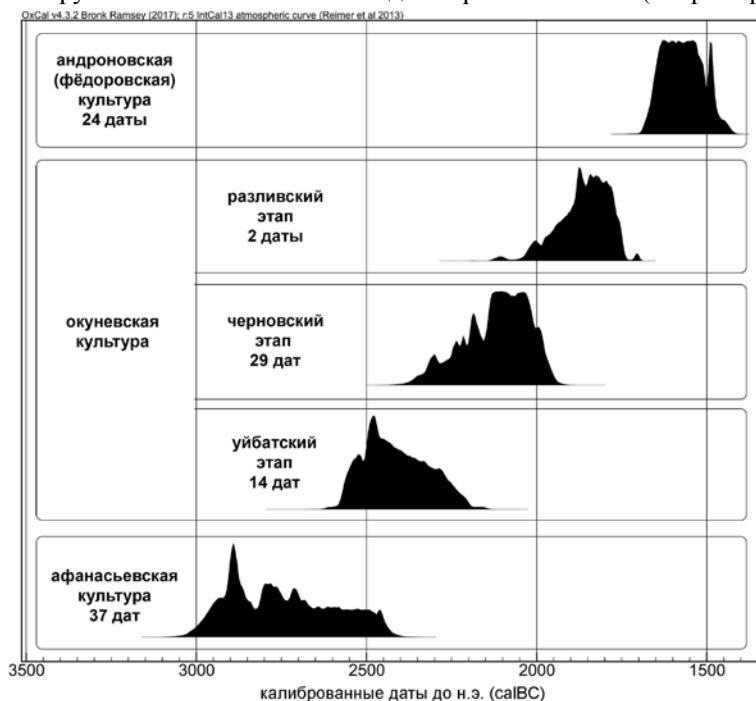
Остальные артефакты носили явно символическую роль и представляли собой амулеты, художественные изделия или ритуальные предметы. В отдельную категорию следует выделить астрагалы овцы, которые в большом числе были найдены в курганах Черновая-XI и Итколь-II к. 1. В первом из них удалось проследить сохранившуюся на астрагалах окраску в черный и красный цвета, а также гравированные геометрические изображения. В погребениях были найдены три стеатитовые «головки». Их главное отличие от более ранних черновских, как верно было отмечено Д.Г. Савиновым [2005], наличие выделенных плечиков. Несколько отличаются стилистически и обнаруженные костяные пластинки с изображением женских лиц с распущенными волосами. Кроме того, были найдены: галечная скульптура в виде бюста человека, амулет из рога лося, подвеска из подъязычной кости животного, крупный мраморный шар с большим отверстием, голова животного, вырезанная из кости. Отдельно следует упомянуть кольцо из бледно-зеленого нефрита, которое пока является единственной подобной находкой и может быть сопоставлено, по мнению автора раскопок, с похожими глазковскими и сейминско-турбинскими изделиями [Леонтьев, 2001, с. 122].

Важнейшее значение для обособления памятников этого периода имеют особенности изобразительного стиля. Во всех трех курганах было обнаружено большое число плит с различными изображениями, в том числе с многочисленными палимпсестами. Некоторые из них являются дальнейшим развитием образов, представленных в более ранних памятниках черновского этапа. Однако есть и новые сюжеты. Например, совершенно справедливо с памятниками Разлив-X и Черновая-XI Д.Г. Савинов [2005;

2006, с. 163–165] связывает изображения в стиле «тощих быков». Аналогичные изображения были также обнаружены в ходе раскопок кургана №1 могильника Итколь-II [Поляков, Лазаретов, Есин, 2018, рис. 23–24]. Эти изображения являются заметным индикатором выделения разливогого этапа. Анализ других изображений из этих памятников позволит в дальнейшем найти и иные образы или их элементы, свойственные исключительно этому хронологическому этапу.

Исследования антропологических особенностей населения разливогого этапа пока еще не проводились специалистами. Однако можно отметить одну крайне важную черту, которая объединяет все три памятника. Практически на всех черепаках, найденных в могилах, прослежена посмертная трепанация в затылочной области [Пшеницына, Пяткин, 2006; Поляков, Лазаретов, Есин, 2018, с. 133, рис. 17]. Причем она встречается не только у взрослых, но и у детей, начиная с самого раннего возраста. Ничего подобного на черепаках из погребений уйбатского и черновского этапов зафиксировано не было. Таким образом, данные трепанации являются наиболее ярким и качественным признаком, наряду с изображениями в стиле «тощих быков», отделяющим разливский этап от более ранних памятников.

Еще один признак был зафиксирован при раскопках двух из трех курганов (Разлив-Х и Итколь-II к. 1). Это каменные ящики с черепами и передними конечностями быков, которые располагались около восточной стенки ограды, внутри нее. Захоронения «шкур» (череп и передние конечности) известно и для других, более ранних памятников, но все они сделаны в грунтовых ямах и лишь иногда покрыты плитами (например, База Мин-

Сопоставление суммарных вероятностей радиоуглеродных дат афанасьевской, андроновской (федоровской) и окуневской культур Минусинских котловин с разделением последней на хронологические этапы (функции Sum и Boundary)

торга). Размещение их в каменных ящиках на площади ограды отмечено только в двух уже упомянутых случаях. Это позволяет предположить, что данный признак, возможно, характеризует исключительно разливский этап окуневской культуры.

Важным доказательством справедливости выделения разливского этапа являются данные радиоуглеродного анализа. На сегодняшний день исследователями опубликованы две даты из этих памятников: Bln-5279 (3487±25) Черновая-XI, курган №1, могила-1 – 1886–1744 cal BC и UBA-40456 (3584±53); Итколь-II к. 1 м. 5, ск. 1 (Ж) – 2127–1769 cal BC. Их суммарный анализ показывает, что они точно закрывают отрезок между концом черновского этапа окуневской культуры и началом андроновского периода на Среднем Енисее (рис.). На этом основании разливский этап можно предвительно датировать XIX–XVIII вв. до н.э. [Поляков, 20176].

Подводя итог, следует отметить, что разливский этап пока остается наименее четко обособленным хронологическим периодом окуневской культуры. Большинство конструктивных элементов сооружений и бытовых вещей мало изменяются и продолжают традиции черновского этапа. Однако в последнее время накопились новые данные, которые позволяют обнаружить и качественные отличия. В первую очередь стоит отметить традицию затылочной трепанации черепов и изображения в стиле «тощих быков». Среди менее явных признаков выделяется обилие в погребениях ритуальных предметов, а также уменьшение до минимума числа бытовых вещей, в первую очередь керамики. Традиционные стеатитовые «головки» и костяные пластинки с изображениями несколько видоизменяются и тоже помогают в обособлении этого хронологического горизонта. Возможно, такое же значение имеют захоронения «шкур» быков в небольших каменных ящиках внутри ограды, ближе к восточной стенке.

Библиографический список

- Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб., 1997.
- Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4 (28).
- Лазаретов И.П., Поляков А.В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2018. №3 (23).
- Леонтьев С.Н. Памятник окуневской культуры курган Черновая-XI // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №4.
- Максименков Г.А. Окуневская культура в Южной Сибири // МИА. 1965. №130.
- Максименков Г.А. Окуневская культура : Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1975.
- Поляков А.В. Особенности организации погребального пространства курганов окуневской культуры // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул, 2017а. Т. I.
- Поляков А.В. Погребения катакомбного типа в материалах окуневской культуры // Археологические вести. 2020а. Вып. 26.
- Поляков А.В. Проблема сложения окуневской культуры в свете современных научных данных // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020б. №1 (25).
- Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. 2017б. №16.
- Поляков А.В., Лазаретов И.П., Есин Ю.Н. Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. №8 (охранная археология). СПб., 2018.
- Пшеницына М.Н., Пяткин Б.Н. Курган Разлив-X – памятник окуневской культуры // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.
- Савинов Д.Г. Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы западносибирской археологии: эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981.

Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2005. Вып. 1.

Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.

Хлобыстина М.Д. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири // Советская археология. 1973. №1.

УДК 902«637»(571.1/.5)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.29

С.В. Сотникова

ООО «Центр археологических исследований», Надым, Россия

К ВОПРОСУ О СИНТАШТИНСКОЙ ТРАДИЦИИ ПАРНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ ЛОШАДЕЙ

В статье рассматриваются материалы Синташтинского большого грунтового могильника (СМ), расположенного на Южном Урале. Автор обращает внимание на два разных варианта парных захоронений лошадей. Один вариант – выкладки на дне могилы из черепов и костей ног. Именно с этим вариантом связаны находки костяных и роговых псалиев и следы колес, в том числе со спицами, то есть наиболее полный «колесничный» комплекс. Второй вариант – размещение в верхней части могил, как правило, на перекрытии одной или нескольких пар целых костяков лошадей. С этим вариантом на СМ ни разу не встречены псалии. В других могильниках Синташтинского комплекса парные захоронения целых костяков лошадей не обнаружены. В том случае, когда оба варианта встречаются в одной могильной яме, нижнее погребение в той или иной мере потревожено. Автор приходит к выводу, что эта «особенность» СМ может быть интерпретирована как результат появления (переселения, вторжения и т.д.) другого населения, возможно, близкого в культурном отношении. Нельзя полностью исключить и некоторый хронологический разрыв.

Ключевые слова: Южный Урал, эпоха бронзы, синташтинская культура, парные захоронения лошадей

Когда говорят о синташтинской культуре или памятниках синташтинского типа, прежде всего подразумевают неординарные захоронения с «колесничной» атрибутикой (следы колесниц или колес со спицами, парные захоронения целых костяков и/или черепов и костей ног лошадей, псалии и оружие), а также укрепленные поселения с кольцевой планировкой, представленные на эпонимном комплексе памятников – Синташтинском поселении и Синташтинских могильниках на Южном Урале. Наиболее выразительно «колесничная» атрибутика отражена в погребениях Синташтинского большого грунтового могильника (далее СМ). Но материалы этого памятника весьма неоднозначны и вызывают много вопросов.

Прежде всего, это два разных варианта парных захоронений лошадей. Один вариант – выкладки на дне могилы из черепов и костей ног. Именно с этим вариантом связаны находки костяных и роговых псалиев и следы колес, в том числе со спицами, т.е. наиболее полный «колесничный» комплекс. Он выразительно представлен в ненарушенной могиле-30 Синташтинского большого грунтового могильника. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ. На дне могилы в юго-западной части располагались остатки пароконной запряжки в виде выкладки из черепов и костей ног двух лошадей, расположенных по углам ямы параллельно друг другу. Череп левой лошади располагался на боку, правой – установлен на нижней челюсти. Рядом с левым черепом обнаружена пара костяных псалиев, а также костяная пластина с отверстием и костяной диск с отверстием, по мнению исследователей, от уздечки или упряжи. Между выкладками коней располагались кости человеческого скелета в виде пакета, с юго-западной